

ФОНД \ НАПОЛЕОН

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Это цифровая копия книги или брошюры хранились в библиотеке боевых КОМПАНИЙ Наполеон - фонда и в настоящее время в общественном достоянии.

Нет полной или частичной копии, не могут быть использованы в коммерческих целях. Использование для некоммерческих целей бесплатно в соответствии с законодательством о праве на собственность и упоминания источника (Fondation Наполеона, Париж).

Для получения дополнительной информации, пожалуйста, обращайтесь: bibliotheque.at.napoleon.org

© Фонд Наполеона (Париж) 148 Boulevard Haussmann
75008 Париж
Перевод Н. А. Акимов

Жан Бургиньон
Куратор национальных музеев профессора в Школе Лувра

ПРОЩАНИЕ С МАЛЬМЕЗОНОМ

-
- 29 июня 1815 -

**Иллюстрированный картинами и гравюрами того времени, часть коллекции Национального музея
Мальмезон**

ПАРИЖ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ЛУИ ЛЕШЕВОЭ

**Дж. VRIN. преемник
71, УЛ. СВЯТОГО ЖАКА**

1930

ВСТУПЛЕНИЕ

5 мая 1921 года в Париже отметили столетие великого исторического момента. Это 5 мая 1821 года, действительно, только в «шесть часов без одиннадцати минут - в соответствии с поразительной речью Шатобриана - сильными ветрами, дождями и грохотом волн Наполеон пошел к Богу самым мощным дыханием Жизни, которое некогда оживило человеческую глину».

К тому времени, празднование столетия привлекало внимание всех к болезненному плену Наполеона. Я же подумал, что интересно и полезно проследить часто забываемый эпизод, который предшествовал изгнанию и, если можно так выразиться, являлся первой станцией голгофы острова Святой Елены. Если выезд на остров Эльба в 1814 году вызывает в памяти грандиозную прощальную сцену Фонтенбло, то отъезд на остров Святой Елены в 1815 году, напоминает более интимную, но не менее волнующую сцену прощания с Мальмезоном. Эти страницы были, таким образом, опубликованны в 1921 году, я написал их по воспоминаниям того времени и согласно неопубликованным архивным документам, но изображения, которые собраны в книге - это все, что мне удалось собрать. Многие читатели просили переиздание. Пусть этот второй выпуск соответствует их ожиданиям и поможет им узнать о трогательной памяти нашей истории, чтобы лучше понять атмосферу меланхолии, что обволакивала Мальмезон.

J.-В.

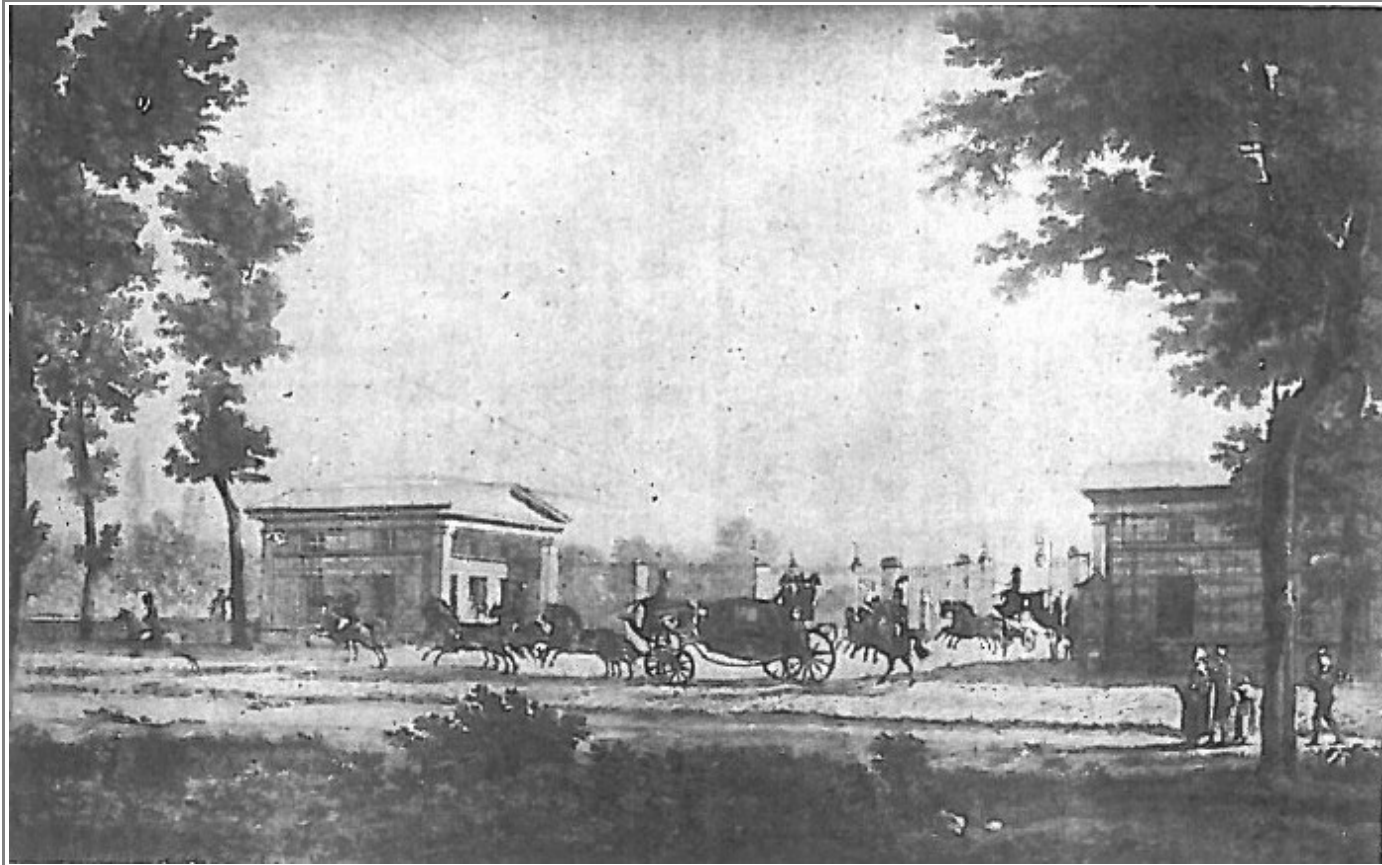
Последнее пребывание Наполеона в .Мальмезоне. от 25 до 29 июня 1816

Мальмезон не только консульский Трианон, где Бонапарт забывался от пребывания в «грустном, как величие» дворце Тюильри. С 1804 года он стал «Императорским дворцом Мальмезон». Несомненно,

острота войны и политика в большей степени требовали от императора пребывания в блеске старых монархических домов. Но если его визиты и стали реже, но он никогда не имел желания полностью отказаться от них. После развода, он продолжал приходить сюда и приводить с собой маленького короля Рима. Мальмезон остался несмотря ни на что любимым уголком, пробуждавшим его самые лучшие мечты, и Бурьенн мог сказать, что сады Мальмезон были единственным местом в мире, наравне с полем битвы, где Наполеон остался бы действительно доволен. Именно там он думал сразу же о пенсии, 23 июня 1815, на следующий день после своего отречения в пользу Наполеона II. Он был еще устроен в Елисейском дворце и встретил в тот же день королеву Гортензию. Она его оставила до ужина, чтобы возвратиться в свой отель на улице Черутти. В карете, которая ее возвращала, она откровенничала с мадмуазель Кошле, ее верной читательницей: «Император, - сказала она, - спросил, что если бы Мальмезон принадлежал мне. Я ответила, что после смерти моей матери этот дом будет в совместном владении с моим братом Евгением, но, добавила я, - это все равно, как если бы он был записан на меня. «И вы согласны, мадам?» «Конечно, я слишком счастлива, чтобы выразить свою благодарность за все, что он сделал для меня.» «Но, мадам, подумайте над опасностью обстоятельств, в которых мы находимся; есть много причин идентифицировать вас таким образом с судьбой Императора». «Это еще одна причина того, что я, не колеблясь, готова связать себя с ним! Я выполню свой долг, тем более, что Император спасается от опасностей, тем больше я рада, чтобы показать ему всю свою преданность».

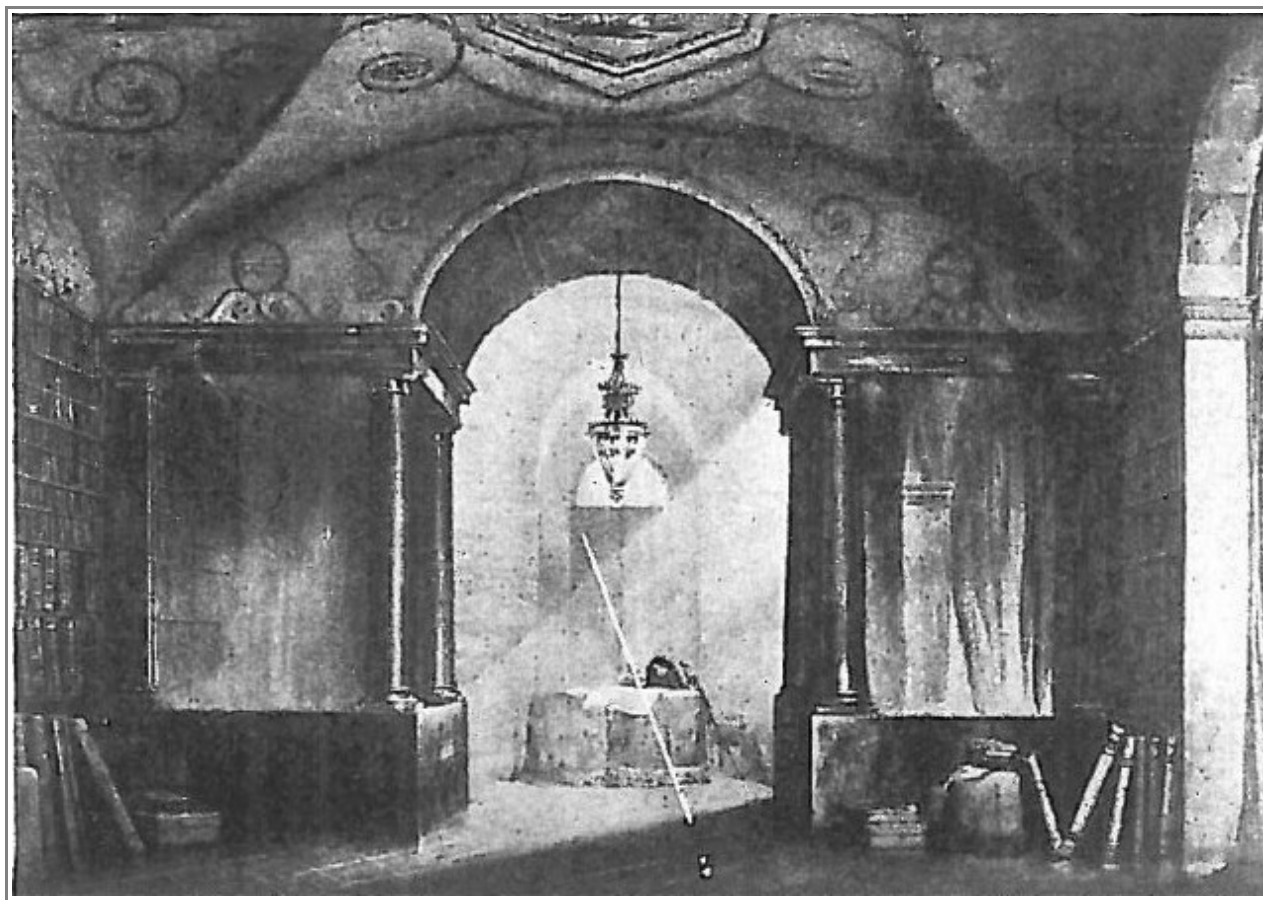
Королева приняла бесповоротное решение. Она была поощрена, впрочем, и г-ном Бидвуаером, отужинавшим у нее в этот вечер, и который, являясь членом палаты лордов, рассказал о жестких переговорах, которые дали повод для отречения. Она рано отпустила своих гостей. Но, прежде чем делать приготовления для отправления к Мальмезон, она занялась обеспечением безопасности своих детей. Ее продавщица нижней части бульвара Монмартр, госпожа Тессье, предложила ей свои услуги. Она приняла предложение : они будут более защищены у человека скромного сословия, чем у друзей из

**Вход в парк Мальмезон.
(по рисунку К. Буржуа)**

из высшего общества. После легкого макияжа Королева нежно обняла ее и рекомендовала камердинера и няню из самых молодых, миссис Буре, о которой император любил говорить: «Какая красивая няня у этого молодца!» Затем, в свою очередь, она собралась в путь и в ночь прибыла в Мальмезон. Старый дом, где она не была с начала весны и требовавший необходимого ремонта. Королева Гортензия председательствовал по необходимым обновлениям и посвятила этому целый день 24 июня. Это как раз на следующий день в полдень, когда отъезд императора уже был установлен. Но случилась некоторая неожиданность и в одиннадцать часов плотная толпа собралась на улице Фобур Сент-Оноре. Они громко кричали: «Да здравствует император! Да здравствует император! Не оставь нас!» Наполеон, желая избежать этих оваций, вывел свою карету с шестеркой лошадей, с адъютантами и эскортом... **(имеется пропуск страниц с 10-16).**

Оба конца комнаты имеют полукруглую форму: на восток с видом на персональный сад Императора, на запад — камин с односторонним зеркалом и с видом на сельскую местность. Что касается витрины и панелей из красного дерева, дополненных украшениями из бронзы, то они были выполнены знаменитыми краснодеревщиками, братьями Якоб. Это единственная часть, которая не пострадала от разрушений времени и катастрофических изменений буржуазных собственников прошлого века. Она сохранила арку, где выделялись медальоны — расписанные фрезками философов и поэтов древности. Эти медальоны, рамы для картин и фотографий, лавры, вырисовываются даже на арках, а в центре возвышается главный мотив Минервы и Аполлона. Я имел счастье найти в интересной коллекции г-н де М. Поля Мармоттана рисунок де Лелью (Loelliot), датируемый 1815 годом и представляет Императора в его библиотеке - Мальмезон. Эльселью (Lcelliot) был одним из любимых художников королевы Гортензии; он оставил в акварели несколько интерьеров замка. Его любопытный рисунок мне позволил воссоздать мне в мебель, в особенности бюро, его настоящую площадь и его рациональную площадь. Журнальный столик отмечает центр комнаты и два бюста — Элизы и Жозефины — украшали цоколи между свободными колоннами. За исключением витрины возле камина, которая заново снабжена книгами о Мальмезоне благодаря щедрым инвесторам, таким, как мой друг г. Бруве,

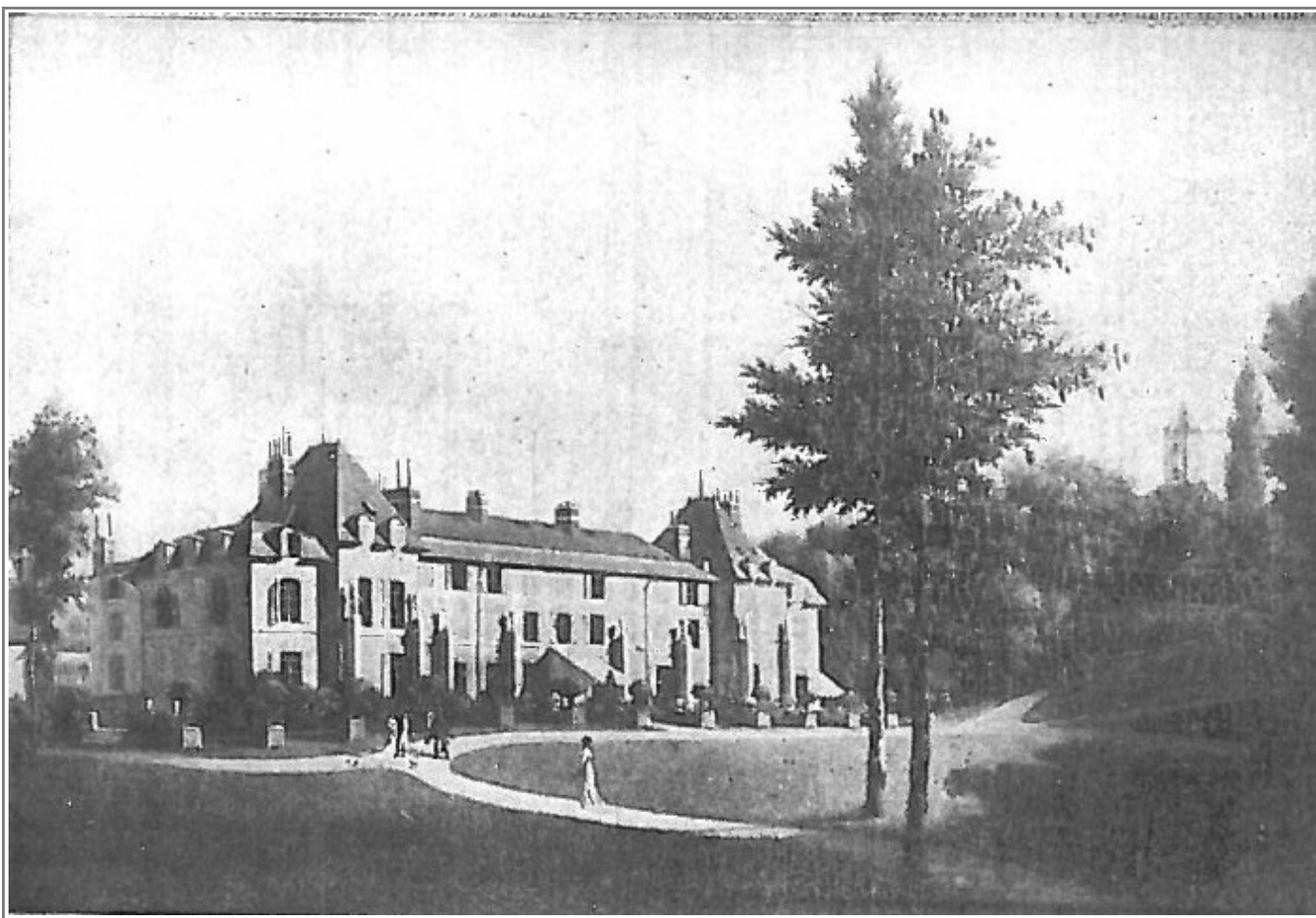

**Вид библиотеки.
(Согласно литографии Тирпене (Tirpenne) и Монтельи (Monthelier)).**

все остальные совершенно пусты сегодня. По состоянию на июнь 1815 года все еще можно было увидеть, какие объемы выкладывались, которые должны были быть распределены на аукционе в 1829 году. Это были в основном книги, приобретенные или предлагаемые в год V и год XL с вензелем РВ — ла Пажери-Бонапарт — которые теснились на обложке золотыми буквами. Драгоценная коллекция, которая включала в себя все жанры по истории, путешествиям, поэзии, книги по наука и т.д. Большинство из них держали руки Генералов, Консулов, Императоров, и некоторые, может быть, должны были вдохновлять их действия или мысли. Наполеон, однако, нашел библиотеку в точном состоянии, в котором он оставил во время развода. Императрица Жозефина до своей смерти сохраняла приверженность к нему, поэтому поддерживала культ и не позволяла, чтобы беспокоили самую маленькую мебель или наиболее скромный предмет: книга по истории, положенная на бюро, была отмечена на странице, где Император остановился; письменный прибор из красного дерева, здесь были те же перья; перед окном та же карта мира, которая всегда несла на себе помарки некоторых движений нетерпения. Единственная Жозефина взяла на себя заботу снимать пыль, которая покрывала то, что она называла ее реликвиями и редко она давала кому-либо разрешение входить в этот алтарь. Именно в этой библиотеке Наполеон 25 июня 1815 принял генерала Бекэра. Представитель временного правительства представил ему в наиболее почтительной форме предписание по его содержанию. Он не без тревоги пытался объяснить, что принял на себя эту миссию невольно и должен отвечать за безопасность императора. Но он не мог ошибиться в намерениях Фуше и Даву, и довольствовался тем, что пренебрежительно возразил: « Я смотрю на этот акт, как на вопрос формы, а не в качестве меры наблюдения. Бесполезно было меня подчинить себе, так как я не намерен нарушать свои обязательства.» Перед эмоциями Бекэра, который заявлял о своей лояльности, Наполеон был тронут и со многими благосклонностями поспешил успокоить генерала. « Я рад, - сказал он, - иметь удовольствие видеть вас около себя. Если бы мне предоставили право выбора офицера, я преимущественно назначал бы вас, так как я знаю уже давно вашу лояльность.» Затем он его увлек его в свой сад через стеклянную дверь, которая открывалась за креслом бюро. И там была серия вопросов

о парижском мнении, надеждах правительства, новостях из армии, переговорах. Бекэр выразил свое личное мнение и пожалел, что император не остался во главе армии. Наполеон дал ему понять очень законные причины его возвращения в Париж. Потом разговор продолжалось до поздней ночи под мерцающим звездным небом. Император говорил о своих проектах, о своей пенсии в Америке, способах заработать в США, утверждал, что союзники должны быть на его стороне. «Я с нетерпением жду, - заключил он, - чтобы покинуть Францию, чтобы избежать этой катастрофы, этого отвратительного падения нации. Дайте мне два Фрегата, что я просил, и я сразу уйду на Рошфор. Еще нужно, чтобы я отправился сообразно с моим направлением, не попадая в руки моих врагов». Именно на этих словах он оставил Бекэра; он возвратился в библиотеку, взял маленькую лестницу, которая до этого скрывалась в деревянной обшивке основы и поднялся прямо в комнату, которую королева Гортензия ему устроила для пребывания в части первого этажа, который соответствует рабочему кабинету. На следующий день после своего пробуждения, он мог видеть из этой комнаты мягкие волны газонов, которые убегали к декорациям античных аркад Марли и далям туманного Буживаля. Эти газоны, где извивался ручей, воспетый Делилем, ему напоминали сумасшедшие развлечения в которых он любил недавно принимать участие, когда он преследовал привлекательную Гортензию, скользившую между его пальцев, подобно селфиде. На маленьком озере молча плавали белые и черные лебеди. Это была излюбленная птица Жозефины: она из этого сделала что-то вроде эмблемы, которую можно было обнаружить везде: на своей мебели, на своих обоях, на своих коврах, и который находит место в украшении Империи, как об этом сказал один художник — арт линия одна из наиболее гармоничных линий. Император вспомнил, как он развлекался часто тем, что дразнил хорошую Императрицу, делая вид, что стреляет в лебедей из карабина Рустама. Весь этот теплый день 26 июня 1815 года должен был быть для него днем мечтательности и воспоминаний. В этом замке, столь шумном в былые времена от взрывов смеха молодежи, он вновь почувствовал себя устаревшим и одиноким. Он захотел снова увидеть все закоулки, которые ему были знакомы. Из библиотеки, где он столько читал и размышлял, он прошел в зал Совета, украшенный древним оружием.

**Западный фасад консульского замка.
(Согласно таблице сделано по заказу Жозефины для маленького Пьер-Жозефа)**

Туда, где обсуждалась в начале века значительная часть больших политических, дипломатических, гражданских, религиозных и военных вопросов. Он пересек столовую, где Лаффит нарисовал на штукатурке под мрамор танцовщиц на монер помпейских; он остановился в салоне, мебель которого была в гобелене, заказанном Жозефиной: основа белого шелка, а копии буквы J сплетенны из розовых помпонов. Мимоходом он признавал севрский фарфор, который он подарил, ценную бронзу, портсигары, часы из лазурита и агата, столы с мозаикой из Флоренции, картины Жерара и Жироде. Дальше он прошел по галерее, которая начиналась в сущности слева, в музыкальном салоне, и которая тянулась на тридцать четыре метра длиной и на десять метров шириной. Жозефина заполняла здесь все древними и современными картинами, статуями, вазами, мозаикой, барельефами, многие из которых были выполнены итальянскими мастерами. Наконец, он вошел в маленький театр, продолжение музыкального салона с восточной стороны, в котором представлялись его любимые пьесы Дефанса и Малиса, Севильский цирюльник или Женитьба Фигаро, где он корректировал детали постановки и костюма. Повторно пересекая цокольный этаж, он возвратился в библиотеку. Без задержки он свернул налево на мост через ров, служивший оградой, и который был покрыт тогда навесом, как палаткой. В тот же день он жил в этой палатке, чтобы работать в одиночку за раскладным столиком или смотреть карты, или заслушивать отчеты или ходатайства! Когда он был в воздухе, ему всегда казалось, что идеи брали более высокое направление, большее распространение, и он никогда не понимал, что мужчины способны на плодотворную работу, находясь рядом с печкой и лишены общения с небом. Мост заканчивался личным садом, у которого была форма большого прямоугольника, отмеченного четырьмя аллеями лип с огромной звездообразной клумбой в середине. Одна аллея выжила: это та, которая вела из библиотеки к маленькому восьмиугольному павильону, который назывался рабочим кабинетом. Оставляя мост, Император, следуя старой привычке, стал идти медленными шагами, держа руки за спиной. Именно такую прогулку он совершал очень часто либо один, либо в обществе одного из излюбленных гостей. Недоставало вокруг него только прирученных газелей, которых он привез сюда на обратном пути из Египта, или домашних фламинго, которые прежде держались друг за друга в

тростниках маленького бассейна. При каждом его шаге пробуждалось прошлое: слава, любовь, счастье. Воспоминания захватывали его целиком. Он, казалось, забывал настоящее. Днем, ему нравилось вспоминать Гортензию, госпожу Каффарелли, Бассано, сцены и инциденты, которые происходили в Мальмезоне. Он говорил многословно, повторяя шутки Ланна, Раппа, Жюно и Бессьера. Имя Жозефины возвращалось в каждый момент к ее губам. Память преследовала его мучительно. Он увлекал за собой королеву Гортензию за собой на прогулку по парку. Это был новый избыток воспоминаний и сожалений. Оба долго бродили среди красивых экзотических деревьев, которые Императрица привезла и желала иногда посадить сама: гледичия сладкая из Америки, кедр из Ливана, кипарис Луизианы, софора японская, бук, rougrés, лаковые деревья, яблони в махровых цветках и тюльпанные деревья Штата Вирджиния. Двигаясь вдоль грота они дошли до ручья, который оживлял этот веселый пейзаж, они пересекли уютные, выполненные в сельском стиле, мосты и сделал остановку в Храме с колоннами, где на пьедестале с гирляндами из роз стоял Купидон с луком в руке, образ Любви.

В салоне теплиц, они упомянули о времени, когда Жозефина, влюбленная в цветы и духи, приходила сюда каждый день созерцать наиболее красивые и наиболее душистые тропические цветы. С большой теплотой посетили они сады. Здесь были тюльпаны и гиацинты привезенные из Голландии, перед которыми Императрица однажды выразил печаль, лишившись возможности увидеть их на следующую весну. Там были розы, эти розы, которых было двести пятьдесят видов, носили такие милые имена, как, например, «прикосновения красоты», «огонь влюбленных», «бедро Нимфы» ... И Император, чьи эмоции были переполнены, не переставал повторять : « Это красиво, Мальмезон ! » Потом он добавил, как бы говоря сам себе: « Эта бедная Жозефина, я не могу приучать себя здесь жить без нее. Я всегда, кажется, буду видеть, как она выходит из аллеи и как собирает эти розы, которые она столь сильно любила... Это была самая лучшая женщина, которую я когда-либо видел!» Если Наполеон предавался таким образом мечте и меланхолии, перед крушением всего своего произведения, он, тем не менее, оставался решительным в соблюдении своих обязательств. 26 утром генерал Бекэ еще под влиянием

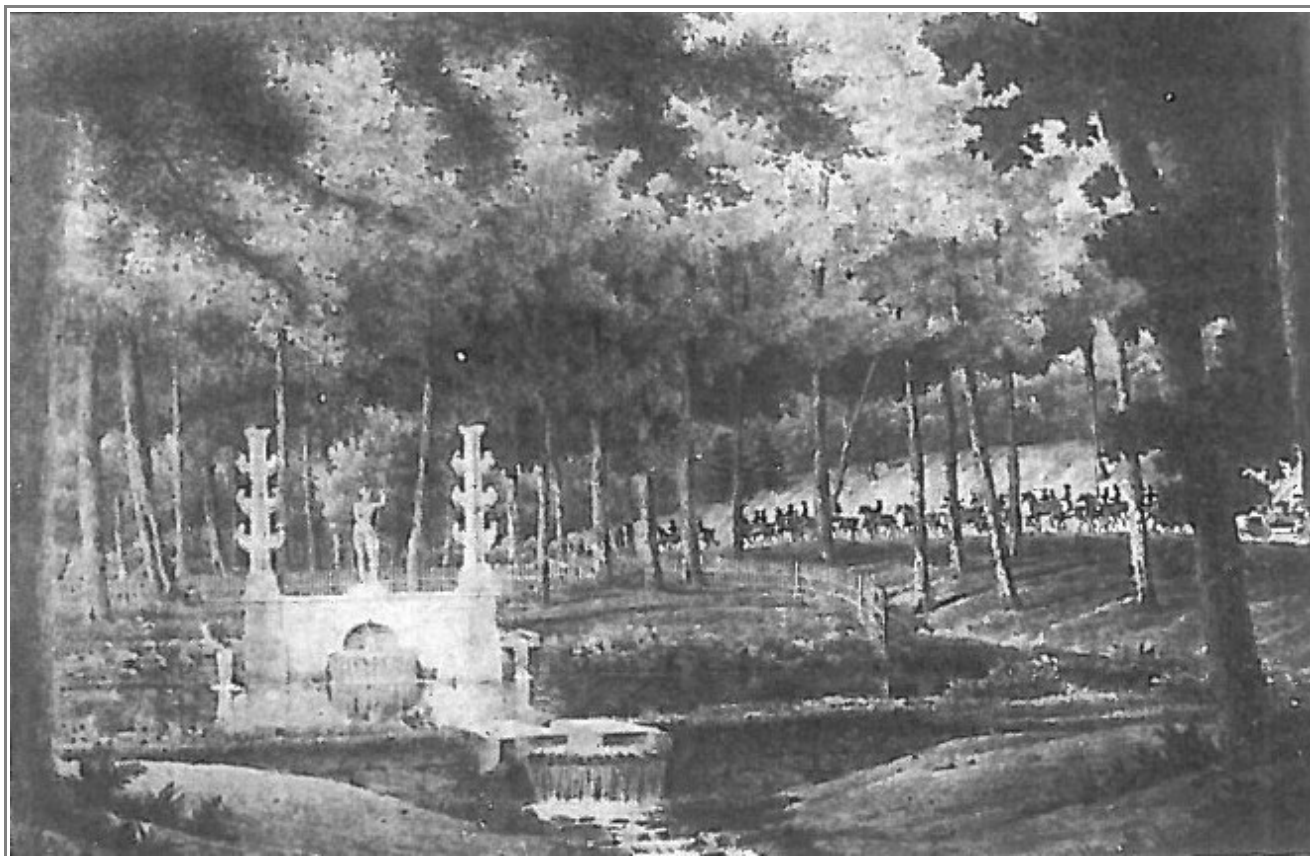
**Жозефина, императрица Франции и королева Италии.
(по рисунку Д.Б. Бозио)**

своего разговора с Императором, от имени этого последнего отправил повторный запрос о двух фрегатах. Но Фуше ответил странным постановлением в шести статьях. В соответствии с этим постановлением, министр Флота должен был отдать приказ, чтобы вооружить два фрегата из порта Рошфор, предназначенных «перевезти Наполеона Бонапарта в Соединенные Штаты». Но, согласно статье V, фрегаты не могли оставить рейд Рошфор прежде, чем придут для этого пропуска из Англии. По этому постановлению узнавалась обычная двуличность Фуше. 26 вечером он был у Бекэра, ознакомился с постановлением и заявил, что не может принять эти условия. Он разгадал поставленную ему ловушку и согласился отправиться в Рошфор тогда, когда он был бы уверен в немедленном отъезде. От Савари, герцога Ровиго и Лаваллета, пришедших к нему в этот день в Мальмезон, он категорически потребовал аннулирование статьи V. К этому он вернулся и 27 июня. Комиссия правительства предпочла выждать. В сущности, она хотела скорейшего отправления его из Мальмезона. В то же время она отказывалась отменить знаменитую статью, а Наполеон упорствовал в своих намерениях. Именно это само упрямство пугало Фуше. Он знал, что генералы, депутаты, паритет Империи были встречены в Мальмезоне. Из отчет полиции он слышал, что они видели двадцать карет, остававшихся перед воротами замка. Они также сообщили, что рабочие и солдаты везде призывали к оружию, требуя Императора во главе войск. 27 июня после полудня, он не колеблясь делает следующие рекомендации Даву: «Это важно, учитывая обстоятельства, - писал он, - что Наполеон решил уйти. Если он на этот шаг не решится, заставьте за ним следить в Мальмезоне так, чтобы он не смог убежать. Поставьте в известность генерала жандармерии Бекэра и войска.» Но император имел решимость не поддаваться. Когда Бекэр сообщил ему об этом новом распоряжении от Даву, он гордо ответил: «Объявите, что я отказываюсь от этой поездки, потому что по прибытии в Рошфор я бы рассматривался в качестве заключенного для моего отъезда в Америку, будучи подчиненным прибытию паспортов, которые мне, без сомнения, будут отклонены... Я решил остаться здесь.» Так как генерал настаивал на опасностях, в которых показывал подходы врага, Наполеон возразил: «Что мне бояться? Я под защитой французской чести.» На самом деле, он учел все маневры Фуше, который должен был доставить человеку опасность,

если бы нашел свое преимущество над ним, и он понимал всю серьезность этой опасности, поэтому и просил Королеву Гортензию оставить его: «Я ничего не боюсь здесь, - сказал он. - Но вы, дочь моя, уходите, оставьте меня.»

Тем не менее, утром 28 июня, император приказал одному из своих помощников, генералу Флао, в тайне от Даву получить информацию о том, какой из фрегатов мог поднять якорь не ожидая пропуска. И если бы он узнал о сохранении отказа в выдаче паспартов, его решение оставалось бы неизменным: он не оставит Мальмезон. Он был настолько уверен в успехе такого подхода, что после отъезда Флао начал подготовку к отъезду. Вскоре к нему пришли его казначей Пеирюс и его нотариус, Казимир Ноель. Он урегулировал с ними финансовые вопросы и застраховался деньгами, необходимыми для длинного путешествия. Затем он принял мадам Мэр, кардинала Феш, графиню Кафиарелли, графиню Рено, генерала Лаллемана, а к концу второй половины дня пришел один аджюдан, командир национальной гвардии, от Королевы Гортензии.

Он сказал ему, что приближались пруссаки Гонесса, и что было бы безопасно остаться в Мальмезоне. Гортензия решила об этом тот час же уведомить Императора, который принялся смеяться, бросая взгляд на его карту: «Ах ! Ах! - сказал он, - я, действительно, позволил себя обойти». Он немедленно приказал Журдану и Монтелону посетить парк и организовать разведку на Шато и Сен-Жермен. Почти одновременно Бекэр получил приказ от Даву сжечь мосты в Шато и Безоне. Это были необходимые меры предосторожности и приказ был выполнен сразу. В то время, как происходили эти события, Флао, вечером, вернулся в Мальмезон. Он отчитался Императору о своей миссии. Встреча с Даву была жестока. Маршал в своем гневе дошел до того, что стал угрожать Наполеону арестом, и даже сказал, что арестует его сам, если он попытается оказаться не на месте. Флао отказался передать подобное послание, он сорвал его эполеты, выбросил в зал и воскликнул: «Если выслушаетесь, можете подавать в отставку. Я даю ее вам!» Но тем временем, Палата лордов выразил свое раздражение против действий Комиссии по отношению к императору. Ход вражеской армии на столицу брал, с другой стороны, опасный поворот. Все это вызвало в сознании Фуше резкий поворот. 28 июня в 9 часов вечера

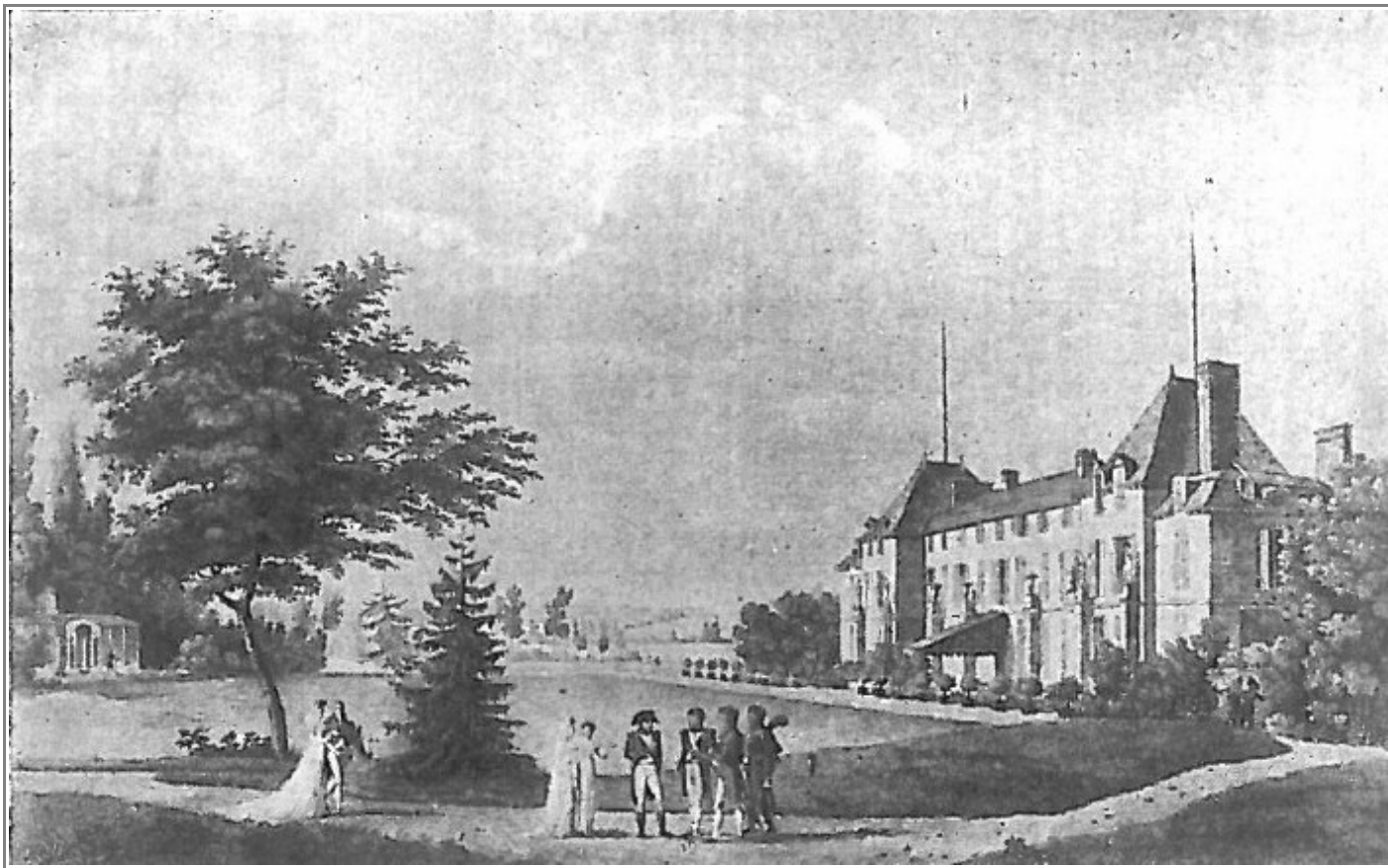
**Бассейн Нептуна в Мальмезоне.
(Согласно акварели Авг. Гарнели)**

он предложил комиссии считать недействительной статью V. Фрегаты были предоставлены в распоряжение императора и теперь не было более препятствий для отъезда императора. Военный морской министр Декре и Буле де ля Мерт, в противном случае Мерлин, были назначены для выполнения чрезвычайных ситуаций в Мальмезоне, учитывая новые изменения. Вскоре, после полуночи 29 июня они прибыли в Мальмезон. Император принял их в халате. По очереди, Декре и Буле доказывали необходимость ближайшего отъезда. Наполеон их слушал, не делая возражения, и обещал им этим же днем отправиться в путь.

Уже в девять часов утра он объявил о своем отъезде брату Жозефу, Флао, Лаваллетту и Бассано, которые находились в это время все четыре в библиотеке. Каждый затем сообщил ему новости, собранные вечером или ночью. Лучше всех был информирован, очевидно, Лаваллетт, выполнявший функций генерального директора должностей. Он сообщил императору, что в Париж через Бурже вернулись остатки гвардии с Груши, а Вандамм пришел с конницей через Мо и Венсенн. Он сказал также о оккупации Гонеца и Пьерфита авангардом прусской армии и добавил, что Английская армия вчера нигде не принимала участие в боях. При предоставлении этой информации Лаваллеттом, поднялся шум и крики со стороны дороги Рюель, вдоль парка Ла Жоншер.

Даже явно слышалось: «Да здравствует император! Да здравствует император!» Это были войска, которые собирались занять Сен-Жермен и об отправке которых сообщал Даву в письме генералу Бекэра. Солдаты знали о нахождении императора в Мальмезоне и старались мимоходом приветствовать его своими овациями. Наполеон не смог скрыть свое волнение. Все молчали. Он занялся своей картой, изменил положение несколько булавок. Затем, внезапно подняв голову с блеском в глазах, он воскликнул: «Франция не должна быть предоставлена горстке пруссаков. Я могу еще остановить врага и дать правительству время на переговоры с властями. После я уеду в Соединенные Штаты, чтобы исполнить свою судьбу». Не дожидаясь мнения своих слушателей, он тотчас исчез по потайной лестнице. Через минуту он вышел из своей комнаты. Но он уже был полностью преобразован.

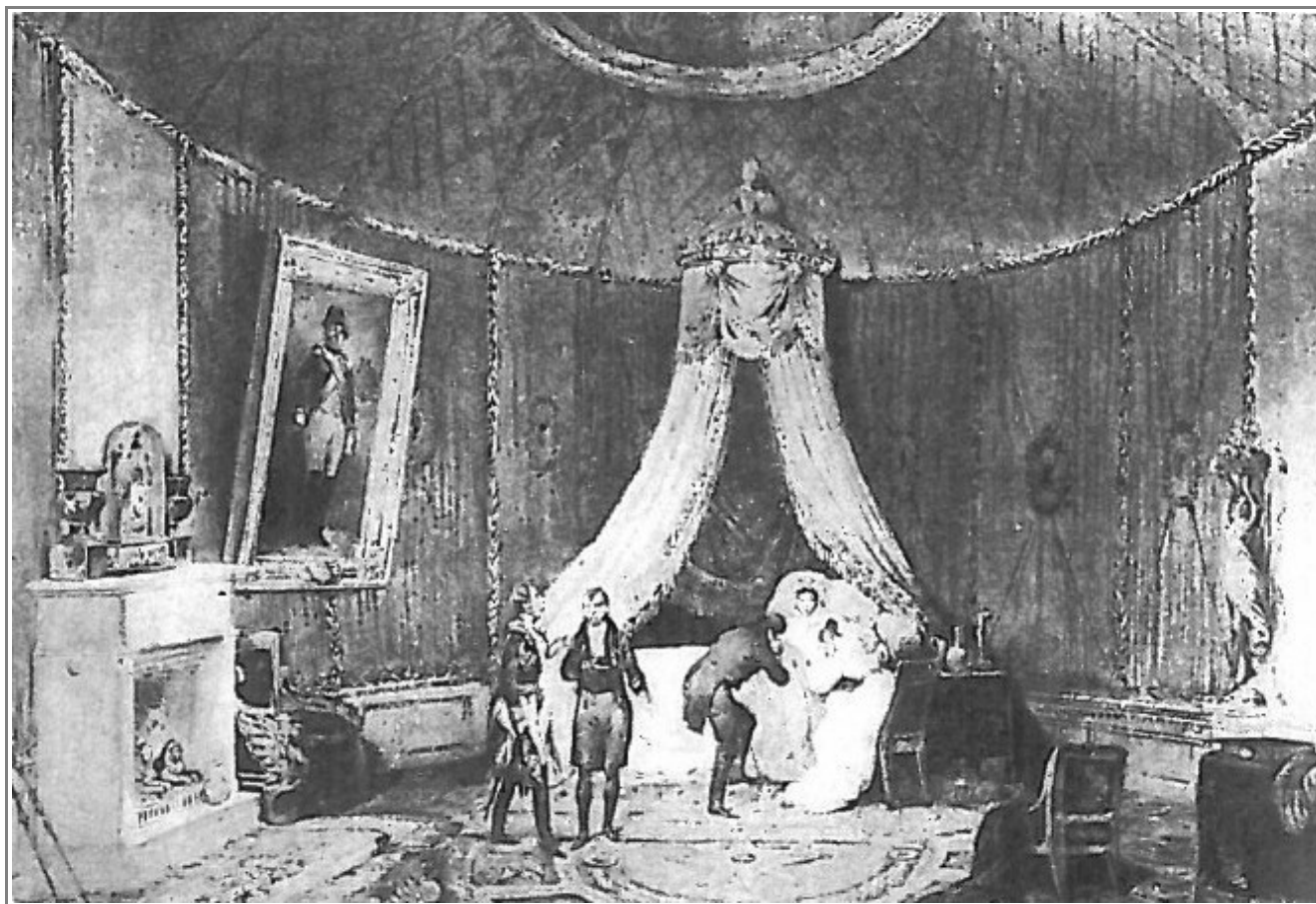

**Мальмезон со стороны сада.
(согласно рисунку де Буржуа)**

Он надел на этот раз форму егеря, которую он носил во многих сражениях. Он был во всеоружии. На боку у него была шпага и шляпа под рукой. Его лицо являло нам, свидетелем этой сцены, радость и преобразование. Это больше не был пленник, это был Император. Он велел позвать генерала Бекэра. «Идите, скажите Комиссии, - велел он, - что я прошу командования армии не как император, а как генерал. Ситуация Франции, пожелания патриотов, крики солдат требуют моего присутствия, чтобы спасти родину.» Бекэр сделал робкие возражения. Но его душа солдата шла вперемешку со словами императора. Он немедленно отправился в дорогу. Когда он уходил, Королева Гортензия спросила: «если бы с нами была армия». «Нет, не в этом дело - ответил император. - Но что же делать с французами!» Около полудня Бекэр появился в Тюильри перед комиссией. Его сообщение было встречено отрицательно.

«Возможно, Наполеон издевается над нами?» - воскликнул Фуше в гневе. Затем он ответил отважному гонцу, что временное правительство не может принять такие предложения и пришлось посоветовать императору незамедлительно направиться в Рошфор, так как пруссаки уже шли на Версаль. По своему возвращению в Мальмезон, Бекэр во дворе замка нашел большое оживление. Это было похоже на приготовление к бою. Лошади были оседланы. Офицеры в форме и готовы были хоть сейчас садиться на них. Генеральный поинтересовался. Он узнал, например, оруженосец службы, г-н Montaran, что Император собирается отправиться в армию. Он узнал от дежурного офицера, М. Де Монтарана, о том, что Император собирается в армию. Тогда он бросился в библиотеку, где его уже с нетерпением ожидали, и сообщил отрицательный ответ Комиссии. Наполеон склонился перед неумолимым решением судьбы. «Значит, я другого выхода нет, - сказал он Бекэру. - Дайте распоряжения. Когда они будут выполнены, придите меня предупредить.» После ухода генерала он обратился к Гортензии с усталым и обескураженным лицом. «Они все еще боятся меня, - пробормотал он. - Я хотел сделать последнее усилие для спасения Франции. Они этого не хотели совсем!» Итак, после этого, он опять по потайной лестнице поднялся в свою комнату. Навсегда оставляя его старую военную форму, он положил свою шпагу, надел фрак коричневого цвета и водрузил на голову круглую шляпу. Несколькими

минутами позже он направился в комнату, где в прошлом году умерла Жозефина, произнося его имя. Это благочестивый визит был не первым. Уже в апреле, когда он приехал в Мальмезон с Гортензией, он говорил голосом, выдававшим его эмоции, о своем желании увидеть комнату Императрицы. Так как Королева желала его сопроводить, он ее остановил из жеста. «Нет, Гортензия! останьтесь, дочь моя, - сказал он, - я пойду один, иначе это разволнует и вас». Глаза Гортензии наполнились слезами. Когда Император присоединился к ней в гостиной, его глаза тоже были влажными. «Было хорошо видно, - рассказывала мадмуазель Кошеле, - что он был подавлен и что приятное и печальное воспоминание проникли в его душу». На этот раз, накануне изгнания, он хотел принести сердечную дань месту, скрепленному смертью и памятью. Ничего не изменилось. Это была все та же комната в виде ротонды, со своим потолком в виде нарисованного неба, со своими красными панелями, нагруженными золотой вышивкой, виньетками, гирляндами и пальмами, и в глубине которой всегда стоят великолепные скульптуры, постель, построенная как неф, при этом два рога изобилия которой образуют корму, а два лебедя с изогнутыми крыльями символизируют нос корабля. Он старался, как в апреле, побыть в одиночестве, чтобы сосредоточиться; и он ждал долго, закрыв двери, в комнате, полной молчания и тайны, где, казалось, бродила крылатая милость Жозефины и где еще летал аромат ее духов. Когда он вышел, его глаза были опухшие от слез. Он вернулся в библиотеку. Там он попрощался с Жозефом и Гортензией. Императору, который пережили очередной раз горечь неблагодарности и получивший последние удары судьбы, она предложила свое прекрасное бриллиантовое ожерелье, которое зашила в черную шелковую ленту. Она думала, что этот предмет мог бы быть для него полезным в тягостные моменты, которые он собирался пережить. Несмотря на просьбы королевы, Наполеон согласился принять это ожерелье только взамен на чек в двести тысяч франков на три месяца от даты подписания этого чека, который он подписал лично. Затем, снимая с пальца кольцо, он одел его на палец Гортензии: это было обручальное кольцо с Жозефиной. Затем он встретил офицеров отряда гвардии, который обеспечивал его обслуживание. Один из них попытался сказать несколько слов. Император обнял его. Все эти старые храбрых солдаты плакали.

**Спальня в Мальмезоне.
Смерть императрицы.
(Согласно литографии де Тирпене и Монтелер)**

****

Несколько лет назад показывали аллею с выходом прямо на двор, обсаженную лаврами, которую называли *аллеей изгнания*. В конце этой аллеи был расположен камень, который имел надпись: «последний шаг Наполеона, уезжающего в Рошфор 29 июня 1815, в четыре часа после полудня». Такая легенда, которая противоречит всем фактам и всем доказательствам, заслуживает того, чтобы она существовала. Хотя обсуждаемая аллея не ведет ни к какому выходу. Она ведет на север к парижской дороге в Сен-Жермен, от которого, напротив, надо было бежать. Что касается самого камня, то он был много раз менялся садовниками и там уже не находили никаких следов записи. Правда была проще и трогательнее одновременно.

Незадолго до пяти часов генерал Бекэр пришел в библиотеку, чтобы объявить императору, что все было готово к отъезду. Наполеон еще раз обнял и поцеловал Гортензию. Затем он бросил последний взгляд на его кабинет, где он должен был жить в свои последние дни свободы в отечестве, он пересек зал Совета, столовую, зал чести, он пересек маленький мост-ограду, который граничил на западе с замком, прошел между двумя красными мраморными обелисками Лемуара Живе, которые были установлены в 1807 году, исчезая в тени парка, он открыл дверь на юге этого парка, которая выходила на дорогу, ведущую в Сен-Клу. Там его ожидала желтая коляска без гербов, запряженная четырьмя почтовыми лошадьми. Там его ждали Бертран, Ровиго и Бекэр. Вскоре лошади исчезли в лесу на высокой скорости, чтобы ехать на Сен-Клу через Рокенкур и Сен-Сир, а затем свернуть на большую дорогу из Парижа в Рошфор. Юная Гортензия сказала однажды г-же Кампан: «Бонапарт - это комета, в которой - мы ее хвост; мы должны следовать за ней, не зная, куда она ведет нас, на наше счастье, или на нашу беду». Мальмезон видел свой подъем в период Консульства, в период света ослепительной кометы. Она пришла посмотреть его в июне 1815 года, в период ее головокружительного падения.

**Южные ворота парка, где ожидала коляска,
которая унесла Наполеона 29 июня 1815 года.**

Как говорить «Мальмезон» или «Ля Мальмезон»?

Было отмечено на предыдущих страницах, что я использовал термин всегда Мальмезон, а не Ля Мальмезон. Встречаются оба названия. Но в Империи Наполеона и Жозефины, приняли первый. Замок называется именно «Императорский Дворец Мальмезон». На всех актах должностных лиц (акты гражданского состояния, местнические акты Рюэй), в частных документах, личных переписках императора и императрицы, на пропусках, на заголовках почтовой бумаги, на альманахах времени мы видим на рисунке Мальмезон, Облась — де — Мальмезон, дворец Мальмезон, Мальмезон галерея, сады Мальмезон и т.д. Поскольку эти воспоминания наполеоновские, и старый дом несет исторический интерес, кажется естественным принять в обиход и назвать его в духе времени Жозефины. Я, впрочем, и последовал в этом отношении за примером, данным г-н Анри Уссэ и г-н Фредериком Массоном.

Исторические примечания Мальмезона.

Мальмезон восходит своим вероятным расположением еще к прокаженному средневековью. Именно отсюда исходит его имя. До XIV века эта область зависит от аббатства Сен-Дени. Затем он стал собственностью людей богатых и финансистов, которые укоренились там до самой революции. Один из них построил замок во времена Людовика XIII. Исторический интерес Мальмезон приобретает только со дня, когда генерал Бонапарт приобретает его для появившейся на тот момент Жозефины Тэшер де ля Пажери, вдовы и первой жены генерала Богарне. Контракт был подписан на 2 Флореаль год VII (21 апреля 1799). Бонапарт командовал в это время армией в Египте. Через несколько месяцев

он вернулся и стал первым консулом. Его официальной резиденцией становится Тюильри. Но он его находил его «печальным, как величие» и в течение первых лет Консульства, он предпочитал большую часть времени пребывать в Мальмезоне. Он делал там в любое время года частые или продолженные остановки. Его архитекторы Персиэ и Фонтан, переделали замок. С июля 1800 года они построили на цокольном этаже зал Совета, где была обсуждена или решена большая часть больших реформ консульского правительства. Здесь Мальмезоне у Бонапарта возникла идея создать Национальный орден Почетного легиона и заниматься Переговорами конкордата. Благодаря Жозефине, работа была смешана с развлечениями. Вокруг нее образовался настоящий маленький консульский двор. Здесь видели на переднем плане Гортензию и Евгения Богарне, братьев и сестер первого консула и всех будущих маршалов и высоких сановников империи, с их женами или будущими женами. Это прелестное общество организовывало игры в перекладину, в которых принимал участие и Первый Консул; танцы на открытом воздухе и театральные постановки. Комедии играли в комнате, которую архитекторы построили к востоку от музыкальной комнаты, и которая исчезла после Империи. Любимыми отрывками Бонапарта были опера Барбье «Севильский цирюльник» и «Несмотря на влюбленность». При Империи Мальмезон стал императорский дворец Мальмезон. Это было его точное название. После развода в 1800 году, императрица выбирает этот дворец как место отставки. Она умерла 29 мая 1814 года и ее останки покоятся в церкви Рюэй, где можно увидеть ее могилу и ее дочери, королевы Гортензии. Следует, наконец, отметить последнее пребывание Наполеона в июне 1815 года перед выездом в изгнание. Именно 29 июня имела место трогательная сцена прощания с Мальмезоном, рассказ о которой является предметом настоящей публикации. После смерти Жозефины, Мальмезон последовательно принадлежит принцу Евгению, то банкиру Агерманну, потом Мари-Кристин, королеве Испании, и Наполеону III, который в 1861 году решил выкупить старый дом семейных воспоминаний. У императрицы Эжени в 1867 году была большая заслуга в том, что она создала в Мальмезоне Наполеоновский Музей, который можно рассматривать как зародыш настоящего Музея. После Второй Империи, области, к сожалению, были поделены. В 1896 году г-н М. Осирис

купил основной дом с замком. Он подарил все это государству, которое открыло там в 1906 году Музей Консульства и Империи, который особенно стал развиваться там главным образом в последние годы. Образовалось даже Общество друзей де Мальмезон, чтобы благоприятствовать обогащению коллекции. У него есть как президент: г-н генерал Гуро, член Института, военный губернатор из Парижа, так и вице-президенты: г-н полковник Сади Карно и г-н герцог Массе. Казначей: г-н Лавань, администратор Компании Табака Португалии, бывший секретарь г-на барона Нойфлиз.

---

819 - печать Жув et Cie, 16, улица Расин, Париж. -1-1930